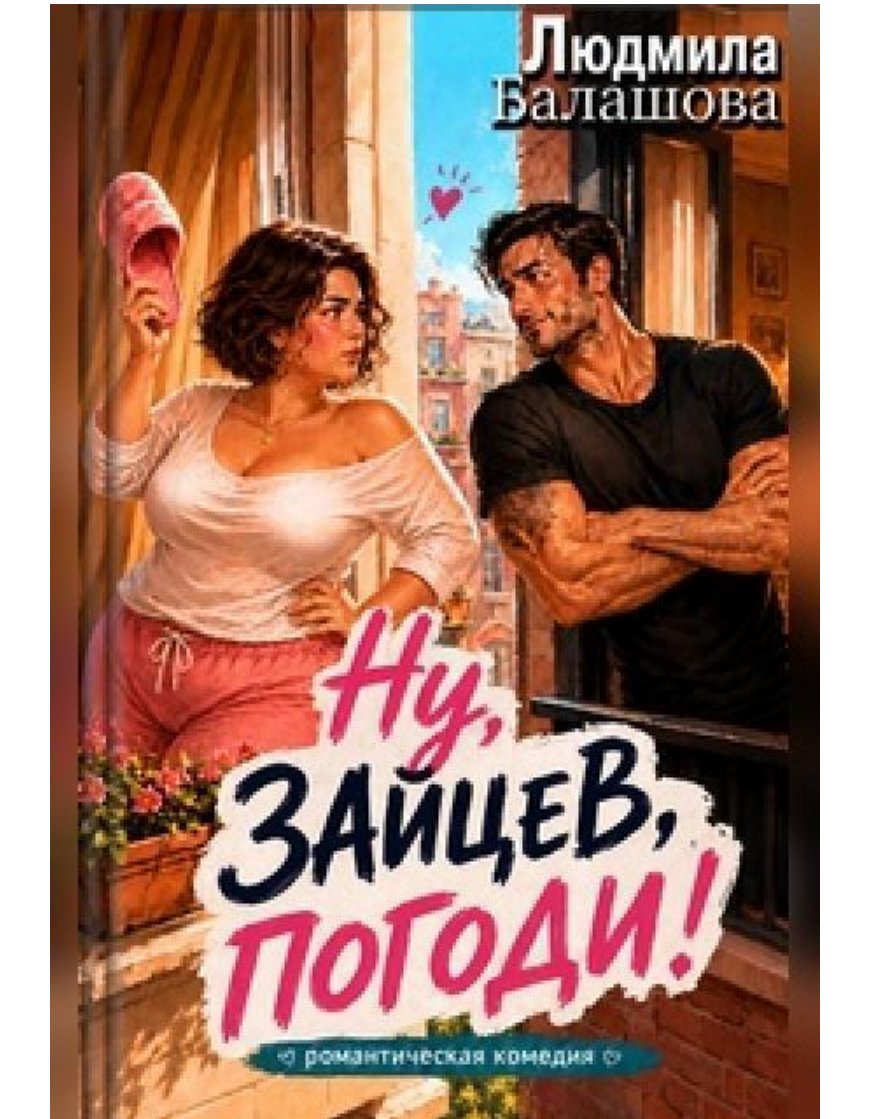

Людмила
Балашова

Ну,
ЗАЙЦЕВ,
ПОГОДИ!

« романтическая комедия »

Людмила Балашова

Ну, Зайцев, погоди!

<https://litres.ru/74253712>

Аннотация

— Зааааайцев! — крикнула я в открытое окно. Стоит, в телефон втыкает. Не слышит. — Зааааайцев! Обернулся. — Чего тебе, Волкова? — Подбрось до метро! — А что мне за это будет? — Я тебя не прибью! — Пфффф, — он закатил глаза. — Маловато как-то. Давай еще бонусов. Стоит, торгуется, скотина. Я посильнее свесилась из окна. Хорошо, что живем на втором этаже — поговорить всегда можно, всё слышно. — А что тебе надо? — Борща мне кастрюлю свари. Я опешила: — Ты офигел? Ты же знаешь, я готовку на дух не переношу! Зайцев рассмеялся: — Ну, знаешь, я тебя тоже на дух не переношу в своей машине. — Вот же скот, — пробубнила я себе под нос. — Может, просто куриный? — попыталась я снизить сложность задачи. — Неа, Волкова. Борщ. Мужик хочет борщ.

Ненавижу Зайцева. Пункт первый — стучит в стену. Пункт второй — хрюкает мне в лицо. Пункт третий — бабник. И всё бы ничего, если бы я не пообещала ему сварить борщ. Своими руками. Добровольно. Теперь у меня на хвосте голодный сосед, на горизонте — свидание с качком Святославом, а в планах — тихий романтический вечер. Спойлер: тихо не будет. Потому что там, где Зайцев, там цирк, попкорн и полный... абзац.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	28
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Пролог

– Да как же ты меня достал, Зайцев! – ору я, высунувшись из окна на всю улицу.

Окно рядом распахивается мгновенно, будто сосед только и ждал моего крика. Оттуда выглядывает наглая физиономия моего бывшего одноклассника, а по совместительству – соседа.

– Да, ты меня тоже достала, Волкова, – лениво тянет он. – И что? Терплю... – Зайцев артистично разводит руками, изображая благородного страдальца.

– Когда ты уже отсюда свалишь?!

– Не дождешься, – ухмыляется он. – Я здесь был, есть и буду. Скорее ты отсюда свалишь, чем я.

– Вот я сейчас как позвоню Галине Федоровне!

– Ага, сразу козыри в ход пошли, – Зайцев даже в ладоши хлопнул от удовольствия. – Тебе вроде как уже тридцатник, Волкова, а ты всё моей матери жалуешься.

– Так тебе тоже уже тридцатник, Зайцев, а ты всё дурака валяешь!

– Я не дурака валяю, – он приложил руку к груди, изображая оскорбленную невинность. – Я устраиваю личную жизнь.

– Ты слишком громко это делаешь!

– А ты что, завидуешь? – он рассмеялся, запрокинув го-

лову. – Ну точно завидуешь. Хочешь, присоединяйся?! Места на всех хватит.

– Дурак ты, Зайцев, был им и останешься.

– Зато какой счаааастливый дурак! – он подмигнул мне с таким видом, будто только что выиграл спор. – А ты, Волкова, знаешь, почему такая вредная?

– Я не вредная!

– Нет, вредная, – отрезал он. – И ещё какая. Потому что мужика у тебя нет.

– Это с чего ты взял?

– А с того, – Зайцев подался вперед, опершись локтями о подоконник, – какой нормальный мужик тебя вытерпит?

Дальше я действовала уже не думая. Нога сама взметнулась вверх, стягивая тапок, и через секунду я уже замахнулась, целясь прямо в эту самодовольную рожу.

– Ой, как страшно! – крикнул он, но даже не подумал отодвинуться.

Я не растерялась. Тапок полетел в цель, описав в вечернем воздухе замысловатую дугу. Но в самый последний момент Зайцев качнулся в сторону, и мой домашний шлепанец просвистел в сантиметре от его уха, нырнул вниз и бесследно исчез в густых кустах сирени.

– Мазила! – констатировал он с довольным видом. – Тренироваться лучше надо, Волкова! Вот ни разу не попала.

И, снова рассмеявшись, захлопнул окно.

Я еще с минуту стояла, прожигая взглядом его окно, по-

том шумно выдохнула и закрыла свое.

– Вот же гад, – пробубнила я, двигаясь в коридор. Из-за этого бабника придется теперь тапок в потемках искать, по кустам лазить, как нашкодившей кошке.

Я вышла на лестничную клетку, посмотрела на его дверь, и во мне снова вскипело праведное негодование.

– Ну, Зайцев... – погрозила я кулаком его железной двери с номером 35. – Ну, погоди!

Глава 1

Ненавижу.

Это было первое, что зафиксировало мое затуманенное сознание, едва я разлепила веки.

Ненавижу этого козла. Стаса Зайцева. Соседа, одноклассника, главного претендента на звание «Гад года» с формулировкой «пожизненно».

За окном уже вовсю орали птицы, и сквозь тонкую стену доносился мерзкий стук. Он что, решил забить гвоздь в стену? В семь утра. В воскресенье.

Я с грохотом опустила ноги с кровати и наступила на что-то пищащее. Игрушка моей кошки. Сфинкса по кличке Клео, или если по полной – Клеопатра.

Породистая, вредная, в общем, классная киса. Жили мы с ней вдвоем в моей двушке. Правда, год назад жили вчетвером: мама, папа, я и Клео. Но потом мои родители решили, что всё – хватит дышать городским воздухом, пора перебраться поближе к земле. И умотали на дачу. Теперь у них там райский сад, а у меня – полная свобода и полная же ответственность за всё, включая лысую нахалку.

Часы на телефоне светились предательским: 07:15. И еще они высвечивали – ПН.

– ЧТО?.. – прохрипела я, вглядываясь в цифры.

Воскресенье отменялось.

Сегодня было не воскресенье.

Сегодня был понедельник.

ПОНЕДЕЛЬНИК!

А в понедельник у меня работа. Вот ведь засада.

Дальше начался хаос.

Я носилась по квартире, как угорелая, пытаюсь одновременно найти второй чулок (первый нашёлся под подушкой), застегнуть молнию на юбке (руки тряслись, молния не поддавалась) и сделать глоток остывшего кофе. Остывшего **ЕЩЕ ВЧЕРА**.

Молния заела. Да твою ж... Я упала на кровать, втянула живот – есть! Молния застегнулась.

Зайцев за стенкой всё стучал. Вот же дятел. Хотя, если честно, можно сказать ему спасибо. Без него я бы точно проспала, а с ним есть шансы, что успею.

Он всегда стучал.

В школе на математике, когда я пыталась решить уравнение, он стучал ногой по моему стулу. Я даже пыталась пересяживаться, но этот гад следовал за мной.

В институте – да, он учился со мной в одном институте, а что еще хуже – на одном факультете психологии. Я не знаю, чему нас там научили, но заповедь «не убей Зайцева» я смогла освоить. И там он тоже стучал. Сзади меня. И на лекциях, и на семинарах.

А теперь он стучал в своей квартире по стене, пока я тут пыталась не опоздать и не вылететь с работы.

А работа у меня, между прочим, сложная и важная. Несмотря на то, что у меня вышка по психологии, я работаю в питомнике. Оказалось, что работать в частном питомнике, где разводят породистых шпицев, йорков и джек-расселов, гораздо более прибыльно, чем слушать печальные людские истории.

Я после института поработала по специальности полгода, а потом решила: я и так псих, а с такой работой и с таким соседом мне скоро нужно будет самой по психологам скакать.

Поскольку избавиться от соседа – это уголовно наказуемое деяние, я решила избавиться от работы. Два раздражающих фактора я не тянула. И вот теперь я ухаживаю за милыми йорками, за пушистыми шпицами, за быстрыми джек-расселами. Стригу им когти, мою, когда надо, смотрю за прививками. Вообще на подхвате. И я безумно от своей работы кайфую. Мне она нравится.

Я снова схватила вчерашний кофе и сделала глоток. Клео мяукнула и прыгнула на стол. Вот же лысая зараза! Смахнула ее на пол. Ну никак не приучу к порядку ее. К слову, и себя тоже.

Кофе пролился на блузку.

– Да твою же... – зашипела я, хватая полотенце.

Пока я оттирала пятно, поняла, что не могу найти ключи от машины. Ключей не было. Они испарились. Растворились в воздухе вместе с моим спокойствием и верой в человечество.

Я перерыла сумку. Раз пять. Вытряхнула содержимое косметички на пол. Заглянула в холодильник (логика? Какая логика, это паника!). Ключей не было.

Зайцев за стенкой перестал стучать. Видимо, всё-таки смог забить этот несчастный гвоздь (или что он там забивал), и, судя по звукам, вышел на лестничную клетку. Я замерла, прислушиваясь. Щелчок замка. Шаги.

И тут меня осенило.

Я вчера вечером, когда мы с ним орали друг на друга из окон, выбегала в коридор? Выбегала. Чтобы погрозить ему кулаком у двери, а потом забрать свой тапок из кустов. Ключи были в кармане халата. А халат... Халат висел в прихожей, а ключи, видимо, так и остались в кармане? Или я их на тумбочку бросила? Блин, да куда я их дела?!

Во дворе послышался рев мотора. Я выглянула в окно. Зайцев завел своего монстра. Вот скажите мне, откуда у него такие деньжищи на такую тачку? Вот я всё-таки неплохо получаю в своем питомнике, но на «Беху Х6» у меня денег никогда не будет.

Хотя, если честно, удивляться было глупо.

Зайцев после института в психологи не пошёл. Сказал, что копать в чужих тараканах – это, конечно, благородно, но за это плохо платят. Сначала открыл какую-то контору по ремонту, потом начал брать стройки под ключ, потом у него появились люди, склады, договоры и вот эта чёрная машина под окнами.

Я всё это знала, конечно. Просто признавать, что Зайцев не только гад, но ещё и успешный гад, было выше моих моральных сил.

Кинулась к окну.

– Зааааайцев! – крикнула я в открытое окно.

Стоит, в телефон втыкает. Не слышит.

– Зааааайцев!

Обернулся.

– Чего тебе, Волкова?

– Подбрось до метро!

– А что мне за это будет?

– Я тебя не прибью!

– Пфффф, – он закатил глаза. – Маловато как-то. Давай еще бонусов.

Стоит, торгуется, скотина. Я посильнее свесилась из окна. Хорошо, что живем на втором этаже – поговорить всегда можно, всё слышно.

– А что тебе надо?

– Борща мне кастрюлю свари.

Я опешила:

– Ты офигел? Ты же знаешь, я готовку на дух не переношу!

Зайцев рассмеялся:

– Ну, знаешь, я тебя тоже на дух не переношу в своей машине.

– Вот же скот, – пробубнила я себе под нос. – Может, просто куриный? – попыталась я снизить сложность задачи.

– Неа, Волкова. Борщ. Мужик хочет борщ.

– Да когда тебе его есть-то? Шляешься вечно!

– А это не твоя забота. В клуб возьму и буду ночью как закусь к водке есть.

– Точно больной, – сказала сквозь зубы. – Ладно, тогда вези меня до работы.

– За борщ – куда угодно, – ответил он.

Я закрыла окно и бросилась в коридор. Схватила сумку, ноги в удобные кеды всунула, сегодня без туфель, я опаздываю. И спустилась вниз, где меня уже с открытой дверцей поджидал Стас.

– Как спалось, Волкова? – спросил он с ядовитой ухмылкой.

– Хреново, Зайцев. Может, вспомнишь, что ты заяц, а не дятел, и перестанешь долбить в стену по утрам?

– Может, это была азбука Морзе? Может, я хотел, чтобы ты меня спасла?

– Ага, так и поверила. От очередной телки твоей спасти?

– А хоть бы и так!

– Нет уж, Стасик, со своими женщинами как-нибудь сам разбирайся. Кстати, где твоя вчерашняя, сильно орущая?

– Уехала домой еще ночью.

– Что, устала симулировать? – съязвила я и наткнулась на острый взгляд Зайцева.

– Вот это сейчас что было, Волкова? Ты намекаешь, что я женщину удовлетворить не могу?

– Да не намекаю я! – я сидела, строя из себя невинность и наматывая ремешок сумки на руку. – Ну сам посуди, зачем ей так орать? Ну ладно стонать, вздыхать. Но ее как будто бы резали.

Потом до меня дошла блестящая мысль:

– А может, и вправду ее резали. Может, прибил ночью, а, Стасик? Не смог удовлетворить женщину и решил убить как свидетеля?

– Волкова! – рявкнул он. – Тебе кто-нибудь говорил, что твой язык – враг твой?

– Ты и говорил. А кроме тебя всякую гадость мне некому говорить.

– Вот же заноза!

– Да, я заноза. Чего тогда со мной разговариваешь?

– Так ведь едем вместе, можно и поговорить.

– А давай помолчим. Мне еще нужно придумать, где борщ купить, чтобы он был похож на домашний.

– Эй-эй-эй! Так не пойдет. Договаривались – сама сваришь!

– Ну тебе какая разница?

– Большая. Хочу попробовать борщ из твоих рук.

– А не боишься? Отравлю!

– Боюсь, конечно, – он хмыкнул. – Зато сдохну счастливым!

Зайцев высадил меня у питомника и на прощание бросил свое короткое «Адьюс, крошка» и рванул с места. Вот же по-

казушник. Еще и борщ ему варить придется. Но зато на работу не опоздала. Еще аж целых пять минут в запасе.

Я вбежала в питомник, перевела дух и только тут поняла, что всё это время сидела в машине Зайцева и даже не психовала. Ну конечно, когда тут психовать, если он меня на свое любимое «ля-ля-ля» развел. Он всегда был болтуном. Ты ему слово, он тебе десять – и так до бесконечности. Я, конечно, тоже не из стеснительных, но с ним я и рядом не стояла.

Я переоделась в комнате персонала, поздоровалась с хозяйкой и пошла обходить своих детей.

Я погладила подбежавшего ко мне йорка.

– Ну ничего, – сказала я ему. – Борщ так борщ. Я психолог или где?

Йорк посмотрел на меня с недоумением и тявкнул.

– Вот и я о том же, – вздохнула я.

Глава 2

Сегодня я была в ударе.

Работа в питомнике спорилась, собаки слушались с полуслова, даже вредный бассет-хаунд по кличке Граф сегодня изображал образцового питомца.

Я успела и вольеры почистить, и корм раздать, и с тремя потенциальными хозяевами переговорить. День катился к вечеру, солнце уже золотило верхушки деревьев за забором, и настроение было под стать погоде – тёплое, спокойное, умиротворённое.

Я как раз выносила ведро с водой, когда услышала низкий, мощный рокот мотора.

Машина, въехавшая на территорию, была под стать звуку: огромный чёрный внедорожник, весь в благородной дорожной пыли, с уверенной посадкой и злым взглядом фар. Я замерла с ведром в руке, провожая взглядом этого железного зверя, который плавно припарковался у административного корпуса.

И тут из машины вышел ОН.

Я чуть ведро не уронила.

Высокий.

Очень высокий.

Широкоплечий, с таким разворотом, что воздух вокруг, казалось, уплотнялся. Обычная тёмная футболка с длинным

рукавом, простая, без понтов, сидела на нём так, будто еёшили на заказ специально для этого могучего торса. Джинсы, запалённые ботинки – всё простое, мужское, настоящее. Но главное – лицо. Волевой подбородок, прямой нос, спокойные, чуть прищуренные глаза. И борода. Густая, ухоженная, которая делала его невероятно крутым.

У меня подкосились колени. Я обожаю мужиков с бородой. Всегда казалось, что в них есть какая-то первобытная, настоящая мужественность. Не эти гладко выбритые мальчики с маникюром, а вот такие – кряжистые, основательные.

И да, байки я тоже обожала. И этого мужика я сразу представила в чёрной косухе, с банданой на голове и с наколкой на волосатой руке.

Моя фантазия меня засосала мгновенно. Я прям увидела, как он сидит на «Харлее», закат, длинное шоссе, и он такой: «Садись, крошка, прокачу с ветерком». Я аж зажмурилась от удовольствия. И чуть не уронила ведро.

Я сама-то не тростиночка. Пятидесятый размер сидит на мне уверенно, крепко, по-хозяйски. Не комплексую по этому поводу – наоборот, чувствую себя статной, ладной, земной. Но рядом с этим мужиком я вдруг ощутила себя Дюймовочкой. Честное слово. Рядом с ним даже мои внушительные формы казались почти хрупкими. Представляете? Я – и хрупкая. Если бы моя мама это услышала, она бы упала в обморок.

Он подошёл к вольерам, остановился, оглядываясь. Мол-

ча. Просто стоял и смотрел.

– Здравствуйте! – Я, отбросив всякое смущение, бодрым шагом направилась к нему, на ходу ставя ведро на траву и вытирая руки о рабочие джинсы. – Вы к нам? За собакой? Или просто посмотреть?

Он повернул голову, посмотрел на меня сверху вниз. И молча кивнул.

– А как вас зовут? – не унималась я. – Меня – Ольга. Можно просто Оля. Я здесь главный специалист по хвостам и вообще душа компании.

Он открыл рот, чтобы ответить.

И тут я услышала ЭТО.

– Святослав, – произнёс он голосом... голосом десятилетнего мальчугана, у которого только что спросили оценки в дневнике. Тонким, звонким, ну просто солист хора мальчиков на линейке. «Свя-то-слав», по слогам, чистым таким дискантом.

Я моргнула.

Это, трындец, товарищи!

Я, кажется, ослышалась?

Нет, не ослышалась.

В голове что-то щелкнуло, и картинка с суровым байкером дала трещину. И не то, чтобы это было разочарование – скорее, дикий, непреодолимый приступ хохота, который я чудом задавила в зародыше, прикусив щеку так, что чуть не прокусила.

Боже мой, природа та еще шутница.

С таким-то фасадом, с такой фактурой – и такой голосок! Прямо-таки анекдот в чистом виде.

И тут же мой внутренний кинотеатр, который еще минуту назад крутил трейлер к «Харли Дэвидсону», переключился на комедию. Я прям представила, как он в постели шепчет: «Милая, ты сегодня такая...» – и всё. Романтика испарилась, уступив место желанию спросить, не задали ли ему на дом выучить басню Крылова.

Святослав, видимо, привыкший к такой реакции, тут же замолчал.

– Не совпало, да? – вдруг спросил он.

Я моргнула.

– Что?

– Голос с упаковкой, – спокойно пояснил Святослав и даже уголком рта улыбнулся. – Все сначала так смотрят. Потом привыкают. Или делают вид, что привыкли.

Мне стало стыдно. Ненадолго, конечно. Стыд у меня вообще был организмом слабым, долго не жил. Но пару секунд я честно помолчала.

Он кивнул и прошёл мимо меня к вольерам, делая вид, что очень заинтересовался спящим шпицем.

Я смотрела ему вслед и чувствовала, как внутри разгорается азарт.

Ну уж нет, дорогой. Так просто ты от меня не уйдешь. Даже не надейся.

Во-первых, клиент. Святое дело.

Во-вторых... такой экземпляр! Это ж надо: природа выдала тело Тора, а озвучку оставила от его брата-гнома. Но это даже интереснее! Это вызов!

Голос? Да ерунда. К голосу привыкнуть можно. В конце концов, в мире есть беруши, а в ушах – вата. Да и разговаривать мы с ним много не будем, пусть молчит, я и за двоих поговорить могу. Молчаливые мужчины – они надежные. И загадочные.

А вот бицепсы... Бицепсы – это навсегда. Ну, или пока качалку не бросит. Борода – это классика, это маст хэв. Так что нечего тут нос воротить! Попал ты, Святослав!

Я догнала его в два прыжка.

– Святослав, а вы какую породу ищете? Может, подсказать? Я здесь каждую собаку знаю, как родную. У нас и активные есть, и лежебоки, и для охраны, и для души. Вы вообще какой образ жизни ведёте? Активный или домашний?

Он остановился, посмотрел на меня.

В глазах мелькнуло что-то похожее на удивление. И лёгкую панику. Потом он ткнул пальцем в вольер, где, развалившись на спине всеми четырьмя лапами кверху, дрых маленький щенок джек-рассела.

– Отличный выбор! – Я всплеснула руками. – Джек-расселы – это энергия, это драйв, это вечный двигатель! Они, правда, ещё те террористы, но, если воспитывать правильно, лучше друга не сыскать. Пойдёмте, я вам про него всё рас-

скажу. И про родителей, и про характер, и про прививки.

Я ухватила его за рукав футболки (бицепс под тканью оказался твёрдым, как камень. Обалдеть!) и потащила поближе к вольеру.

Говорила без остановки. Сыпала фактами, байками из жизни питомника, травила анекдоты про джек-расселов, смеялась, жестикулировала и вообще вела себя как стендап-комик на разогреве у принца Уэльского.

А Святослав молчал. Только кивал, согласно мычал и иногда, очень редко, выдавал своим комичным голоском короткие «ага» или «угу». Он явно стеснялся. Или просто не любил сотрясать воздух по пустякам.

Я решила, что это даже к лучшему.

В любой здоровой паре должен быть баланс: один говорит, второй делает вид, что не жалеет о своём выборе. Святослав для этой роли подходил идеально. Слух у него был, терпение, кажется, тоже, а возражения он выдавал в формате «угу», что лично меня полностью устраивало.

Когда все формальности были улажены, договор подписан, а щенок, мгновенно получивший кличку Шуруп за свои бешеные глаза и штопорный хвост, сидел в переноске на заднем сиденье, я картинно глянула на часы.

– Ой, батюшки, вечер на дворе! – всплеснула я руками.
– А мне домой, автобусы, сами знаете, ходят раз в час, да и тот всегда битком алкашами и студентами... Святослав, а вы не будете так любезны подбросить одинокую женщину до

города?

Он посмотрел на меня. Помолчал. Видимо, переваривал мысль, что одинокая женщина только что полчаса вещала без перерыва и явно намерена продолжать. Потом кивнул.

Я метнулась в раздевалку, где за три минуты совершила невозможное: переоделась из рабочей формы в гражданское, причесалась, умудрившись не запутаться в собственных волосах, и даже нарисовала на лице подобие макияжа.

Правда, один глаз в спешке получился размером с пятирублёвую монету, а другой – с полтинник, но Святослав вряд ли заметит. Он же всё время в пол смотрит. Или в бороду.

Усевшись на пассажирское сиденье, я с наслаждением утонула в кресле и почувствовала себя просто королевой.

Ехать молча было не то, чтобы неуютно, но скучновато. Тишина, конечно, золото, но, когда это золото затягивается, хочется позвенеть монетками.

– Слушайте, Святослав, – повернулась я к нему. – А давайте сходим куда-нибудь? Ну, в смысле, свидание. Я давно в кино не была, а тут как раз боевик новый вышел. Говорят, отличный. Там стреляют, взрывают и, кажется, даже любовь есть. Вы любите боевики?

Он покосился на меня. В глазах снова мелькнуло удивление. И, кажется, одобрение. Или просто нервный тик. Кивнул.

– Ну вот и отлично! – Я довольно потёрла руки. – Тогда завтра? Я с работы пораньше отпрошусь. Вы заедете за

мной? – И, не дожидаясь ответа, продиктовала точное время.

Святослав снова кивнул. Я мысленно поставила себе десять баллов из десяти за оперативность. И пять баллов за наглость. Но наглость, как известно, второе счастье. А первое – это когда тебя подвозят на такой тачке.

Щенок на заднем сиденье, устав от переезда и новых впечатлений, свернулся калачиком в переноске и мирно посапывал, изредка взбрыкивая лапами во сне. Шурупу было хорошо и спокойно. Он чувствовал, что попал в хорошие руки. Как и его новый хозяин, между прочим.

Машина остановилась у моего подъезда. Я аж вздохнула с сожалением – так не хотелось вылезать из этого кожаного рая.

– Спасибо огромное! – Я повернулась к Святославу. – Вы меня просто спасли. И за щенка спасибо, я так рада, что Шуруп попал в такие надёжные, крепкие руки.

Он снова кивнул, глядя на меня своими спокойными глазами. В полумраке салона его лицо казалось ещё более мужественным, а борода – ещё более соблазнительной. Я с трудом подавила желание протянуть руку и потрогать. Не время. Всё будет, но постепенно. Я же психолог, в конце концов. Стратегия и тактика.

– До завтра? – пропела я, уже вылезая из машины.

Кивок.

Я выпорхнула из машины и уже направилась к подъезду, как вдруг из темноты, словно чёрт из табакерки, вынырнул...

Глава 3

– Волкова! – заорал Стас, вальяжной походкой подходя ко мне. – Ты чего это? Я тут стою, значит, звёздами любуюсь, интеллигентный человек, а ты на какой-то тачке подкатываешь? Это вообще кто такой? – он ткнул пальцем в сторону внедорожника, который медленно тронулся и поехал в сторону выезда из двора.

– Не твоё дело, Зайцев, – отрезала я ледяным тоном. Развернулась и гордо зашагала к подъезду.

Стас, как привязанный, поплёлся за мной. Прямо хвостик, блин, пушистый и навязчивый.

– Да подожди ты! – он схватил меня за руку, останавливая.
– У тебя мужик, что ли, появился?

– А если и появился, тебе какое дело? Ты что, ревнуешь?

– Да мне пофигу, – он скорчил равнодушную мину.

Сказал он это слишком быстро. Даже для Зайцева.

Я прищурилась.

– Ага. Вижу, как тебе пофигу. Прямо фонтан равнодушия.

– Волкова, не льсти себе.

– Поздно. Уже польстила. Мне понравилось.

Он отвернулся, но я успела заметить, как челюсть у него дёрнулась. Мелочь, а приятно. Очень хотелось ткнуть пальцем и сказать: «Ага! Попался!».

Но я была взрослая женщина. Почти.

– Ну раз гадости на это закончились, я тогда пошла, – я сделала несколько шагов к подъезду и остановилась. Нет, так просто я могла уйти. Надо добить. – Кстати, – продолжила я, обернувшись. – Готовься, Зайцев. Скоро я буду стонать так, что тебе спать не дам. Ни тебе, ни соседям, ни собакам во дворе.

– В смысле, симулировать будешь? – ухмыляясь спросил он. – Как в школе на физре?

– Какое симулировать! – рассмеялась я. – Ты бы видел Святослава! Да от одного его вида у меня всё внутри горит и требует выхода наружу. Качок, с бородой, с деньгами, на такой тачке! Так что ждёт меня скоро фейерверк, Зайцев.

– Говорят, у качков мышца большая, да... хм... – он замаялся, якобы подбирая слово, и многозначительно посмотрел на свой бицепс. – А остальное... ну, как у воробья. Маленькое, но гордое.

– Эх, Зайцев, – я махнула на него рукой и плавной походкой двинулась к подъезду. – Ты мне этим настроение не испортишь. И будущий фейерверк не загасишь. Воробей там или не воробей – это мы ещё проверим. В конце концов, не размером единым, как говорила моя бабушка.

Но он не отставал. Догнал уже у самой двери.

– Волкова, – зашептал он мне прямо в ухо, – с качком всё понятно. Будешь там повизгивать, как молодая свинка на выпасе. А что с борщом-то?

Я остановилась. Обернулась. Медленно, как в фильме

ужасов перед тем, как монстр сожрет туриста.

– Это кто повизгивать будет? Какая свинка? – взвизгнула я возмущённо на весь двор, совсем упустив тему с борщом.

Этот гад коснулся своего носа пальцем, сморщил физиономию, показав свинячий пятак, и смачно, с выражением, продюсируя каждый звук, выдал:

– Хрю-хрю. Хрю-хрю-хрю!

– Ах ты гад ползучий! – взвизгнула я от возмущения и вскинула сумку, намереваясь совершить праведное убийство.

– Не догонишь, Волкова! – и он рванул с места так, будто за ним гналась не я, а свора голодных волков.

Ну вот так же, как в пятом классе!

Ровно так же он рванул после того, как нечаянно (а может, и специально, я до сих пор подозреваю заговор) опрокинул на меня тарелку с супом в пятом классе. Только сейчас вместо школьной столовой – спальный район, вместо супа – моя дамская сумочка убийственного веса.

Бежим как два идиота по двору, и я ору так, что стёкла дрожат:

– Ну Зайцев, погоди-и-и-и-и-и-и-и-и-и!

Мы носились вокруг детской площадки, как два угорелых лося. На лавочке бабушки сидели, замерли с открытыми ртами, и одна, самая сердобольная, даже перекрестилась. Новенькие, видимо. Ещё не привыкли к нашим вечерним развлекашкам.

– Девушка, может, милицию вызвать? – крикнула мне вслед та самая бабушка дрожащим голосом. – А то убьёшь ты его!

– Не надо! – крикнула я на бегу, пытаюсь не сбить дыхание и не проглотить случайно мошку. – Не убью, но покалечу!

Стас петлял как заяц, я неслась за ним, теряя по дороге остатки достоинства и, кажется, последние легкие.

На третьем круге я поняла, что задыхаюсь, кроссовка впалась в то, что оставила после себя какая-то нерадивая болонка, а Зайцев, сволочь такая, даже не запыхался. Остановился в пяти метрах, руки в боки, и ржёт как конь на весеннем выгоне.

– Волкова, – выдавил он сквозь смех. – Ты бы себя видела!

– Зайцев, – прохрипела я, стараясь не дышать носом, потому что запах стоял тот ещё. – Я тебя всё равно достану. Слышишь? Не сегодня, так завтра. Не завтра, так послезавтра. Через месяц, через год, но ты мой будешь!

Он замер. Перестал смеяться. Посмотрел на меня как-то странно.

– Буду? – переспросил он тихо, и в голосе проскользнуло что-то такое... интригующее. Или издевательское. С Зайцевым никогда не поймешь.

До меня дошло. Я поняла, что сказала, и покраснела так, что, наверное, в темноте было видно за версту.

– В смысле... в смысле, будешь у меня в должниках! – выкрутилась я.

– А я, может, и не против, – всё так же внимательно на меня смотря, ответил он. И так это сказал, что у меня внутри что-то ёкнуло. А потом раз, и перестало ёкать, потому что он добавил: – В должниках так в должниках. А борщ?

– И борщ твой будет! Сварю сегодня, понял? Завтра заходи, отдам кастрюлю.

– Сваришь? – он подозрительно прищурился, сверля меня взглядом. – Сама? Не из пакета «Просто добавь воды»?

– Конечно сама! – фыркнула я, наконец оторвав кроссовку от асфальта и мысленно проклиная всех собак в радиусе километра. – Я, между прочим, женщина-огонь! Я и борщ сварю, и кашу, и, если надо, пельменей налеплю! Не то что некоторые, только хрюкать умеют!

– Ну тогда я пошёл, – он сделал шаг ко мне, брезгливо зажал нос пальцами. – А то пованивает тут от тебя... романтикой и продуктами жизнедеятельности неизвестного происхождения. Ты это... перед подъездом кроссовку почисть

И когда он проходил мимо меня, я услышала это наглое, громкое, вымораживающее, выведенное с особым цинизмом:

– Хрю-хрю. Хрю-хрю!

Я резко обернулась. Зайцев шёл спиной к подъезду, и на его лице сияла ехидничая улыбка от уха до уха, а пальцами он старательно изображал свиной пятак, периодически поднося пальцы к носу и снова хрюкая.

– Ну, Зайцев, погоди... – прошептала я, сжимая кулаки.

Глава 4

Весь вечер я провела на кухне. Святослав со своим щенком как-то сразу померкли в моём сознании, потому что появилась новая святая цель – доказать Зайцеву, что я женщина-огонь и сварить борщ мне по плечу. Ну, или хотя бы по локоть.

Я достала кастрюлю. Потом подумала и достала ещё больше. Потом вспомнила, что варить буду для одного наглого хрюкающего типа, и оставила среднюю. Для одного гада и двух литров хватит.

Рецепт я нашла в великом и могучем интернете. Там было написано «Борщ украинский, пальчики оближешь». Ну, пальчики так пальчики.

Приступим.

Свекла резалась плохо и норовила укатиться под стол, видимо, чувствуя свою скорую гибель. Морковка тёрлась и норовила оттереться вместе с пальцами. Лук плакал вместе со мной, потому что глаза ужасно щипало. Мясо я решила не варить отдельно – чего время терять? Кинула сразу в кастрюлю, сверху свеклу, морковь, капусту, картошку, немножко томатной пасты, немножко любви и немножко злости для остроты. Для пикантности добавила ещё щепотку надежды, что это всё не зря.

Клео сидела в углу кухни и смотрела на меня с плохо

скрываемым ужасом. Кошка явно переживала, не придётся ли ей это есть в случае, если Зайцев откажется.

– Не бойся, – сказала я ей, убирая выбившуюся прядь со лба. – Это не тебе.

Клео облегчённо выдохнула и ушла досматривать кошачьи сны.

В час ночи борщ был готов.

Я сняла пробу.

И чуть не выплюнула ложку вместе с борщом, вместе с зубом и, кажется, частью челюсти.

Это было... это было мощно.

Наваристо, густо, аппетитно пахло свеклой и ещё чем-то неопознанным, возможно, моими несбывшимися надеждами. На вкус напоминало одновременно борщ, компот и, кажется, резину от колёс «Запорожца», который 20 лет простоял в болоте.

Соль я, видимо, перепутала с сахаром. Или не перепутала, а добавила и то, и другое для сложности букета. Теперь это был борщ в стиле «угадай ингредиент» и «проверь свой желудок на прочность».

Я позвала Клео.

Кошка нехотя подошла, понюхала, попробовала, посмотрела на меня с выражением «ты серьёзно? мы столько лет жили хорошо, и вот чем всё кончается?» и аккуратно выплюнула на пол. Потом брезгливо отряхнула лапку и ушла.

– Ну и ладненько! – обрадовалась я. – Зайцеву ведь что

главное? Чтобы я сама варила, и не из пакета. А что там внутри – не его ума дело.

Я довольно перелила борщ в трёхлитровую банку (кастрюлю жалко отдавать, вдруг не вернёт – он же Зайцев, у него совесть размером с маковое зёрнышко), поставила в холодильник и с чувством выполненного долга рухнула в кровать.

Утро началось с того, что кто-то очень настойчиво решил испортить мне жизнь.

ДЗЫНЬ! ДЗЫНЬ! ДЗЫНЬ!

Я подскочила в кровати так, будто надо мной взорвали петарду. Или будто я сама была петардой, и меня только что чиркнули спичкой, а я ещё не решила, в какую сторону взрываться.

Глаза открылись ровно настолько, чтобы зафиксировать: часы показывают 6:00 утра. ШЕСТЬ. УТРА. Вторник. Когда до подъёма ещё целых десять минут, которые сейчас превратятся в десять лет моей жизни, потраченных на проклятия в адрес неизвестного.

– Кого там леший принёс? – прохрипела я, пытаюсь выпутаться из одеяла.

Одеяло, как назло, решило, что мы теперь единое целое. Навеки. В болезни и здравии. В богатстве и бедности. И развод не предусмотрен.

Я дёрнулась влево – оно обмоталось вокруг ног.

Я дёрнулась вправо – оно накрыло голову.

Я попыталась встать – и с грохотом рухнула на пол, приложившись локтем о тумбочку, а коленкой о пол.

– А-а-а-а, твою ж за ногу! – заорала я, пытаюсь подняться и одновременно освободиться от этого саркофага.

Клео, дремавшая в ногах, подскочила, выгнула спину дугой и зашипела так, будто увидела не меня, а вторжение инопланетян. Шерсть дыбом, глаза по пять копеек, хвост трубой – классический кошачий ужас.

– Тихо, Клео, это какой-то гад звонит в дверь, – прошипела я в ответ, наконец высвободив одну ногу.

ДЗЫНЬ! ДЗЫНЬ! ДЗЫНЬ! – не унимался звонок, явно намекая, что просто так от меня не отстанут, даже если я притворюсь трупом.

– Иду я, иду, скотина ты эдакая! Кто вообще ломится в шесть утра? Пожар? Потоп? Конец света?

Я встала, пошатываясь, наступила на Клео (та взвизгнула и убежала под кровать), надела тапки наоборот (правый на левую, левый на правую) и поплелась к двери.

По пути встретила дверной косяк правым плечом. Лбом – шкаф. Кажется, шкаф тоже был не рад меня видеть в такое время и решил дать сдачи.

– Да что ж ты будешь делать! – взывала я, потирая ушибленные места и мысленно прибавляя Зайцеву ещё пару пунктов к карме.

Второй косяк встретил меня левым плечом. Третий – попытался убить локоть, но я увернулась. Почти.

Я бубнила под нос всё, что думаю о ранних визитёрах, их родителях, их интеллектуальных способностях и особенно о том, кто решил, что утро вторника начинается в шесть ноль-ноль, а не в 6:20.

– Ну кто там? – рывкнула я, распахивая дверь с таким видом, будто собираюсь убивать, а не встречать гостей.

На пороге стоял Зайцев.

Свежий, выбритый, с наглой улыбкой на лице и кружкой кофе в руке. В другой руке он держал пакет с булками. Картинка, блин, с обложки журнала «Идеальный гад» или «Как довести женщину до инфаркта и остаться безнаказанным».

– А ты чего спишь ещё? – спросил он, окидывая меня взглядом с ног до головы. Взгляд был долгий, оценивающий, с явным удовольствием. – У тебя, между прочим, рабочий день скоро.

Я стояла перед ним всклокоченная, в тапках наоборот, с одеялом, запутавшимся вокруг пояса, с шишкой на лбу и с диким желанием убивать.

Кофе в его руках пах вкусно. Предательски вкусно.

– Зайцев, – прохрипела я голосом, который должен был звучать угрожающе, но на деле напоминал кваканье больной лягушки. – Ты охренел? Шесть утра.

– Ну так борщ же, – он кивнул в сторону кухни, даже не думая оправдываться. – Ты обещала. Я за кастрюлей и, собственно, за дегустацией. – Он подозрительно приняхался. – Чем это пахнет? Ты что, правда варила? Сама?

– Сама, – я гордо выпрямилась, насколько позволяли больные бока. – И между прочим, всю ночь стояла у плиты. Почти всю... Ну, до часу ночи. Потому что я женщина-огонь!

– Огонь, значит, – он хмыкнул и посмотрел на мой лоб. – А это что? Это ты так с плитой боролась? Кто победил?

– Это неважно, – отрезала я, пытаясь прикрыть шишку рукой.

Зайцев протянул мне кофе и пакет с булками и вошёл без приглашения. Просто взял и вошёл. Наглость – второе счастье, а у Зайцева, видимо, ещё и третье, и четвёртое, и абонемент на всё сразу.

– Давай, Волкова, показывай свой шедевр. Посмотрим, что там за огонь.

– Ну ты борзый, Стасик, – буркнула я, закрывая дверь.

– Я не борзый, я уверенный в себе, – парировал он, уже усаживаясь на кухне и разваливаясь на стуле.

Я недоверчиво смотрела на чашку с кофе. А вдруг подсыпал чего? С него станется.

Зайцев заметил мой взгляд.

– Не бойся, я туда не плевал, – усмехнулся он.

Я принялась. Вроде ничего подозрительного. Сделала глоток. Божественно. Кофе умеет делать, гад. Наверное, единственное, что умеет хорошо, кроме доведения меня до белого каления.

– Я.. это... – начал он, и тут я поняла, что зря расслабилась. – ...сморгнулся разок, но совсем чуть-чуть, для остро-

ты ощущений.

Кофе в этот момент был у меня во рту. Услышав окончание фразы, я поняла, что сейчас умру. Кофе пошёл носом, ртом, кажется, даже ушами. Брызги полетели во все стороны, я закашлялась так, что из глаз брызнули слёзы, а из носа – то, что успело туда попасть.

– Ах ты сволочь такая! – прошипела я, пытаюсь откашляться и не задохнуться одновременно. – Убью!

Этот гад подскочил ко мне и давай стучать по спине. Ну вроде как медицинская помощь первая. Стучал он, кстати, сильно. То ли помочь хотел, то ли добить, то ли просто получить удовольствие от процесса.

– Да пошутил я, Волкова! Ты что, шуток не понимаешь? – ржал он, явно довольный эффектом. – Ты бы видела своё лицо!

– Да у тебя шутки на грани реальности и уголовного кодекса! – вытерев рот полотенцем, злобно фыркнула я. – И вообще, чего расселся? Вот тебе кастрюля! – я достала из холодильника банку с борщом и с грохотом поставила на стол. – И вали давай, пока я тебя этим борщом не накормила насильно! Проверим на практике его боевые свойства!

– А утренний завтрак? – он кивнул на булки. – Я ведь булок принёс. Между прочим, специально за твоими любимыми в магазин пошёл. С маком. Знаю я твои слабости.

– И булки свои забирай, и кофе. Тоже мне.

– Ты что, обиделась? – он сделал вид, что удивился. – Я

ведь любя.

– Да от твоей любви у меня скоро волосы выпадать начнут и нервное истощение случится, – буркнула я, но булку из пакета всё-таки достала. Не пропадать же добру. Да и пахла она умопомрачительно.

– Главное, чтобы не физическое, – он окинул меня масляным взглядом. – Уж больно формы твои ладные. Не хотелось бы, чтоб они похудели от переживаний.

Я поперхнулась уже булкой.

– А ты что, влюбился в мои формы, что ли?

– Конечно! – расплылся он в улыбке. – Жить без них не могу. Так и хочется ущипнуть. Проверить, настоящие ли.

И он, недолго думая, потянул свою крепкую руку к моему боку и как хватанёт!

– Ай! – взвизгнула я, подпрыгнув на месте. – Ты чего щиплешься? Совсем обнаглел?

И тут же влепила ему по руке. Не сильно, но с уважением к собственной территории.

– Давно хотел себе сделать приятное с утра пораньше, – довольно заявил он, потирая руку. – Спасибо, Волкова, зарядила на весь день.

Я потерла ушибленный бок.

– Вот и щипай своих костлявых! Заряжайся, а меня не трогай!

– А костлявых неинтересно щипать, – философски заметил он. – Костлявые – они острые, пораниться можно.

– А меня, значит, интересно? – прищурилась я, пытаюсь понять, комплимент это или оскорбление.

– Ужасно, – подтвердил он с самым серьёзным видом. – Ты – произведение искусства. Женщина в теле – это классика. А классика, она вечна. Её и щипать приятно, и смотреть, и булками кормить.

Я открыла рот, закрыла, снова открыла. Ну вот что ему скажешь? Комплимент же, пусть и на грани хамства, но от души.

– Ладно, – сдалась я. – Ущипнул, отвел душу, а теперь иди. Мне на работу пора.

– Могу подвезти, если завтраком накормишь, – предложил он, кивая на сдобу.

– У тебя борщ есть, вот и ешь его, – я кивнула на банку, стоящую на столе как памятник моей кулинарной доблести.

– Вечером съем, – отмахнулся он. – А пока чайком угостимся и булками.

– Ладно, – вздохнула я. – Давай завтракать. Потом подвезешь. А то я ключи от машины второй день найти не могу.

– Может, их Клео съела? – невинно предположил Зайцев.

– Клео, в отличие от некоторых, гадость в рот не тащит.

– То есть меня бы она тоже не съела?

– Тебя бы она сначала закопала в лотке. На всякий случай.

На самом деле ключи, скорее всего, лежали где-то на видном месте. У меня все пропажи так жили: не терялись, а просто наблюдали, как я схожу с ума.

– А что же тебя твой мужик не подвозит до работы? – вдруг спросил он.

– А вот это не твое дело, – буркнула я, откусывая мягкую булку и делая глоток кофе. – Мм-м-м, – закрыла глаза от удовольствия. Божественно. Даже если там были сопли, ради такого вкуса можно и потерпеть.

– Нравится?

– Ужасно.

– Ну ешь, Волкова, ешь, – улыбнулся он. – а то моя тачка уже заждалась!

И мы сидели на моей кухне, пили кофе, ели булки, переглядывались, а на столе стояла трёхлитровая банка с борщом, которая могла бы стать оружием в руках спецназа.

И было в этом что-то такое... домашнее, что ли.

Хотя нет. Скорее опасное.

Очень опасное.

А потом встал и на пороге бросил:

– Кстати, Волкова, – сказал он будничным тоном. – А ты знаешь, что я вчера ночью делал?

– Гвозди забивал? – хмыкнула я.

– Нет, – он покачал головой. – Думал о тебе.

И вышел.

Я осталась стоять посреди кухни с открытым ртом, в тапках наоборот не осознавая, что ждет меня впереди.

Глава 5

– Вставай давай!

Я почувствовала, как чья-то рука трясёт меня за плечо.

Открыла глаза, пытаюсь понять: где я? кто я?

– Проснулась? – В объектив моего заспанного зрения попала довольная физиономия Зайцева. – Ну ты и храпишь, Волкова! У меня аж вся машина тряслась! Я чуть в кювет не улетел – думал, подв

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.